

— Но... почему? Уездный начальник Фэн, ведь он ничего не сделал...

Уездный начальник Фэн не смог сдержаться и захотел всё выяснить.

Цю Ю уже был в отчаянии, сидел с каменным лицом, продолжая испытывать страх, который внушал ему учитель Лю. Более того, у него было предчувствие, что Лю Тай превзойдёт своего учителя и будет терзать его этим страхом всю жизнь! Всю жизнь!!

Учитель Лю, поглаживая бороду, улыбнулся и сказал:

— Мудрецы говорили: Я бездействую, а народ сам совершенствуется; я спокоен, а народ сам становится праведным; я не вмешиваюсь, а народ сам становится богатым; я не желаю, а народ сам становится простым. Именно благодаря тому, что уездный начальник Фэн управляет без вмешательства, жители нашего уезда Пинсин могут жить в мире и благополучии, наслаждаясь спокойной жизнью. Он, несомненно, хороший чиновник!

Уездный начальник Фэн почувствовал, как у него защемило в носу, а глаза увлажнились.

— Вы слишком высоко его ставите. Возможно, он просто ничего не решается сделать, боясь навредить.

— Если так думать, то это ещё больше говорит о его добросердечии. Так беречь народ, боясь ошибиться, предпочитая не делать шаг вперёд, разве это не поступок благородного мужа? Нет! Это поступок мудреца!

— Я... Лю сюн! Мы с вами — единомышленники!

Уездный начальник Фэн крепко сжал руку учителя Лю, в его глазах блеснули слёзы. Ему было стыдно за то, что раньше он хотел использовать учителя Лю, чтобы подняться на корабль губернатора Тао. В жизни редко встретишь единомышленника, а он хотел использовать своего единомышленника! Разве он человек?!

Он решил: если учитель Лю согласится представить его, он будет только рад; если нет, ничего страшного. С сегодняшнего дня учитель Лю станет его другом!

Учитель Лю был удивлён:

— Почему вы так взволнованы? Какое это имеет отношение к вам?

Столкнувшись с такой искренностью, как у учителя Лю, своего единомышленника, уездный начальник Фэн почувствовал себя ещё более недостойным и не захотел продолжать скрывать свою личность. Он сказал:

— Лю сюн, вы только что говорили, что в нашем уезде нет деревень с фамилией Фэн, а также упомянули, что уездный начальник Фэн носит ту же фамилию, что и я... Я и есть уездный начальник Пинсина!

Учитель Лю тоже был поражён, его рот приоткрылся, и лишь через некоторое время он смог найти слова. Он хотел встать и поклониться, но уездный начальник Фэн остановил его:

— Я с первого взгляда почувствовал, что мы с вами — единомышленники, и считаю вас своим другом. Надеюсь, что вы тоже будете так ко мне относиться, не обращая внимания на наши статусы, а общаясь на равных!

Услышав это, учитель Лю проникся большой симпатией к собеседнику. Он терпеть не мог людей, которые перед ним задирали нос. У него не было других недостатков, кроме того, что его колени были слишком твёрдыми, чтобы преклоняться, поэтому он не мог быть чиновником и мог только преподавать здесь. Редко встретишь такого скромного чиновника, да ещё и уездного начальника. Учитель Лю тоже сжал руку уездного начальника Фэн и с волнением сказал:

— Фэн сюн! Фэн сюн, не обращая внимания на разницу в статусе, желает общаться со мной на равных... Я... Фэн сюн!

Ду Цинчэнь, вернувшись с вещами, увидел такую картину: два пожилых человека, держась за руки, смотрели друг на друга со слезами на глазах, словно давно разлученные родственники.

Ду Цинчэнь был в замешательстве.

Он всего лишь сходил за домашним заданием, и за такое короткое время произошло столько всего?!

Надо сказать, что литературные познания уездного начальника Фэн были намного выше, чем у учителя Лю, что неудивительно для человека, сдавшего экзамен на звание цзиньши. К тому же, уездный начальник Фэн, в отличие от учителя Лю, привыкшего к детским почеркам, не считал его каракули такими уж уродливыми, у него был свой взгляд на вещи.

Рука уездного начальника Фэн, держащая произведение Ду Цинчэня, дрожала, его брови были нахмурены. Обычно он видел документы, написанные писцами или коллегами, а в худшем случае — такими образованными людьми, как учитель Лю. Честно говоря, уездный начальник Фэн никогда не видел такого ужасного почерка!

Уездный начальник Фэн посмотрел на красивого Ду Цинчэня, затем на его корявые буквы, снова поднял взгляд на умного Ду Цинчэня и снова опустил его на эти червячки. В конце концов, он не смог сдержаться и воскликнул:

— Древние говорили, что по почерку можно судить о человеке. Видимо, древние тоже ошибались!

Ду Цинчэнь промолчал.

— В принципе, мне не следовало бы ничего говорить, но раз уж ваш почерк был обучен учителем Лю, значит, он считает вас своим учеником. Я, как друг учителя Лю, также являюсь вашим старшим, поэтому должен дать вам несколько советов.

Когда вы успели стать друзьями? Полчаса назад атмосфера была ещё напряжённой, и вы были чужими. Учитель Лю даже не знал, кто вы.

— Ваш почерк действительно нужно улучшить. Вы уже взрослый человек, и сила вашей руки при письме уже сформировалась, её трудно изменить, но как бы трудно ни было, это нужно сделать! И начинать нужно с самого базового. Судя по вашему почерку, вы, вероятно, никогда не закладывали хорошую основу.

Учитель Лю кивал:

— Именно так. В детстве он никогда не учился усердно, когда его заставляли писать, он отнекивался, говоря, что бумага и чернила дороги, и не хотел использовать их, поэтому

научился лишь поверхностно.

— Вот именно. Если вы даже не можете правильно написать черты, как вы вообще можете писать? Вы можете лишь написать что-то, что можно разобрать, но это нельзя назвать каллиграфией.

Уездный начальник Фэн покачал головой. Возможно, он говорил слишком высокопарно, и это звучало очень серьёзно, даже слуга не мог не смотреть в их сторону.

Ду Цинчэнь стоял с каменным лицом, позволяя учителю Лю и уездному начальнику Фэн критиковать его.

— А как вы думаете, Фэн сюн, как нужно тренироваться?

— смиренно спросил учитель Лю.

— Конечно, нужно начинать с черт. Господин Ду! Я думаю, вам не нужно спешить сразу писать иероглифы, прописи тоже можно пока отложить. Начните с черт, каждый день тренируйте только черты. Когда вы освоите черты, тогда можно будет переходить к иероглифам!

Ду Цинчэнь молча кивнул:

— Спасибо за совет, господин Фэн.

Он смутно помнил, что, кажется, это было правильным подходом. Он слышал об этом раньше, но давно забыл.

Учитель Лю тоже вдруг понял:

— Вот как! Я всегда думал, что Ду Цинчэнь уже взрослый, и ему не нужно, как ребёнку, сначала учиться держать кисть и тренировать черты, но я забыл, что у него вообще нет основы. Фэн сюн, вы действительно обладаете уникальным взглядом.

— Что вы, просто вы не сразу подумали об этом, — улыбнулся уездный начальник Фэн. — Кстати, если в будущем господин Ду откроет ресторан в уездном городе, ему будет неудобно каждый день приезжать сюда, чтобы показать вам свои работы. Пусть лучше приходит ко мне! Я помогу ему.

— Это было бы замечательно! Цинчэнь! Ну же, поблагодари Фэн сюна!

— радостно сказал учитель Лю.

— Спасибо, господин Фэн.

Ду Цинчэнь сложил руки в приветственном жесте. Получается, ему придётся часто бывать в уездной управе? Что ж, пусть так. Тогда, когда он откроет бизнес в уездном городе, никто не посмеет ему досаждать.

— Лю сюн, если у вас будет свободное время, приходите ко мне. У меня есть двор, мы сможем вместе пить вино и сочинять стихи, разве это не радость?!

— с улыбкой предложил уездный начальник Фэн.

— Конечно, это было бы прекрасно. Когда Цинчэнь откроет ресторан в уезде, мы купим еду и

будем пировать в вашем дворе, сочиняя стихи. Это будет настоящее удовольствие!

Глаза уездного начальника Фэн загорелись, он, казалось, уже представлял себе это прекрасное будущее, и кивал:

— Хорошо, именно так и нужно! Господин Ду! Вам нужно поскорее открыться! Мы все уже не можем дождаться.

— Конечно, конечно...

Ду Цинчэнь сухо улыбнулся, сложив руки.

Уездный начальник Фэн пришёл с надеждами, а ушёл с чувством полного удовлетворения. Однако наложница Цю, просидевшая весь день на холодной скамье, была очень удручена, но даже в своей печали она кое-что поняла.

Когда она вернётся к своим родителям, она должна обязательно сказать им, что нужно обратить особое внимание на этого Ду Цинчэня и ни в коем случае не обижать его! Этот человек не только друг Су Цзюнься, у него есть брат, занявший первое место на экзамене туншэн, он также является учеником, которого очень ценит учитель Лю, а теперь и уездный начальник Фэн относится к нему как к своему младшему родственнику. Такого человека семья Цю уже не может позволить себе обижать.

Наложница Цю подавила горечь и зависть в своём сердце. Если бы её семья в своё время выдала её замуж за Ду Цинчэня, как было бы хорошо? Они были ровесниками, она была красивой и милой, а Ду Цинчэнь — прекрасным и выдающимся. Разве это не была бы идеальная пара? А Ду Цинчэнь, женившись на ней, был бы куда лучше, чем этот мелкий гер. Теперь она всё ещё могла бы помогать своей семье, и, возможно, была бы полезнее, чем наложница уездного начальника Фэн! Увы, судьба женщины определяется её родителями, и она ничего не может изменить. Наложница Цю сидела в повозке, слегка опустив голову, глядя на своё отражение и жалея себя.

Уездный начальник Фэн не обращал внимания на то, о чём думают окружающие, он лишь радостно напевал, полный мыслей о своём новом друге. Завтра он отправит приглашение Лю сюну, чтобы тот пришёл к нему в гости! Нет, нет! У Лю сюна есть частная школа, за которой нужно следить, лучше подождать до выходного дня.

<http://bllate.org/book/16444/1491301>